

кновение психолога, онъ особенно силенъ и устойчивъ. И въ этомъ сомнительномъ и остромъ вопросѣ Толстой твердитъ свое убѣжденіе съ такой настойчивостью, съ такимъ упрямствомъ и силой, что невольно вспоминаются всѣ его художественныя признанія и рисунки, обличающія силу здоровой и грубой плоти, мучительную борьбу съ ней духа и необходимость считаться съ ней какъ съ бдительнымъ и неумолимымъ врагомъ.

«Каждый изъ насъ своей личностью заслоняетъ тотъ свѣтъ, который носитъ въ себѣ,—говоритъ Толстой,—и умереть физически часто содѣйствуетъ тому свѣту, въ которомъ сосредоточена жизнь». Мыслитель зоветъ смерть, какъ освобожденіе и переходъ къ вѣчности, въ стихію, родную душѣ.

Нашъ данный намъ божественный свѣтъ тускло свѣтится въ жизни и нѣтъ возможности въ условіяхъ нашего міра горѣть яркимъ и полнымъ свѣтомъ. Но когда бываютъ моменты такого ощущенія, «словно стоишь на краю смерти,—жизнь разгорается именно такимъ полнымъ свѣтомъ».

«Жизнь—есть сонъ, а смерть—пробужденіе души для болѣе реального міра».

Сознаніе въ высшія свои минуты рвется къ той безбрежности, которая есть единственно ея стихія. Въ насъ не умираетъ влеченіе къ безконечному, и всѣ проявленія красоты,